

Владимир КРЕЧЕТОВ

г. Санкт-Петербург

Двенадцатилетнего Серёжу родители на лето отправили в посёлок Свирица на помощь дедушке и бабушке в заготовке сена для коровы и телёнка. Дедушка Ваня работал бригадиром в рыболовецком колхозе, и сенокосными делами у него не было времени заниматься: если и приходилось косить траву, то только когда выпадал редкий выходной.

У дедушки, в отличие от городских людей его возраста, было красивое обветренное, обгоревшее на солнце лицо с глубокими морщинами на лбу и у рта, большие кисти рук, такие же красные, как и лицо. Обычно после обильного ужина и выпитого чая из большого медного самовара, пахнувшего древесным углём, дедушка садился в угол комнаты, где на стене были развешены сети, молча ремонтировал их. Серёжа пристраивался рядом и пытался запомнить, как с помощью челнока дедушка завязывает рыбацкие узлы на сетях, а затем пробовал сам это проделывать. Получалось, но, правда, очень медленно. Дедушка же так быстро и ловко работал челноком, словно скрипач смычком.

Посёлок Свирица расположился на семи островах, образованных многочисленными реками и каналами в устье реки Свирь. Все дома построены вдоль берегов, поэтому моторная лодка здесь есть в каждой семье, без неё не прожить. Не случайно называют Свирицу деревянной Венецией.

Ребята, приехавшие из города в посёлок на отдых, купались в речке, играли в лапту, в казаки-разбойники, в ножички. Серёжина же деревенская жизнь проходила уныло: рано утром бабушка Нюша со старшим внуком Олегом уезжали на моторной лодке за несколько километров косить траву, а Серёжа, оставаясь дома один, должен был целыми днями ворошить её для просушки.

В хрущёвские времена наделов для заготовки травы в личные подсобные хозяйства не давали, укрупняли колхозы и совхозы, руководство страны торопилось быстрее построить коммунизм, что привело на тот момент к ухудшению жизни сельчан. Заготовку приходилось делать полуворовским способом в пойме реки, стоя в лодке, как говорили местные, «косить тресту». Для того чтобы скошенная трава попадала в лодку, а не падала в воду, к косе приделывалось специальное приспособление в виде сетки. Вечером приводили лодку со свежескошенной травой. Серёжа и Олег, которому было почти шестнадцать и по деревенской возрастной категории он считался взрослым, на носилках выносили траву из лодки и раскладывали

СТОЖАР КАК ЦЕНТР ВСЕЛЕННОЙ

рассказ

на полянке по копнам. А утром Серёже предстояло сушить её — разбрасывать копны и через каждые полчаса деревянными граблями переворачивать траву. Если дождевые тучи начинали заволакивать небо, надо было быстро всё собрать и накинуть сверху брезент, чтобы дождь не намочил. На первый взгляд, работа физически нетрудная, но, учитывая погодные условия Приладожья, где облака непрерывными стайками сменяют друг друга, приходилось в течение дня постоянно собирать сено в копны, а затем раскидывать для продолжения сушки. Разбирался бы Серёжа в облаках, какие дождевые, а какие нет, меньше было бы работы.

Были в деревенской жизни и свои нехитрые развлечения. В некоторые дни Серёжа вместе с ребятами шёл на дебаркадер, там в вечернее время швартовались туристические теплоходы «Короленко» или «Мамин-Сибиряк». Это был маленький праздник: много людей приходило встречать теплоходы, гремела музыка, иногда звучали американские песни, которые нельзя было услышать дома по радио, на причале кто-то танцевал; несмотря на поздний час, на дебаркадере работал буфет.

Серёже нравилась кантри-музыка, особенно песня американских шахтёров-угольщиков под названием «16 тонн». Эту мелодию с русским текстом часто пели под гитару старшие ребята:

*Горит огнями ночной Бродвей,
Моя чувиха пьёт коктейль,
А я сижу, смотрю в окно
И пью шампанское вино...*

У младших ребят была задача — проникнуть на теплоход мимо двух вахтенных матросов и купить там лимонад, хотя точно такой же лимонад можно было приобрести на дебаркадере, только дешевле. У кого это получалось, тот становился героем вечера.

Бабушка, несмотря на полноту, была энергичной женщиной, она успевала управляться с домашним хозяйством, а это корова, телёнок, поросёнок, куры. Огород летом тоже был на ней. Дедушка помогал только весной его вскапывать и осенью копать картошку. Она приторговывала рыбой, которую дедушка, как и все рыбаки бригады, приносил домой. Иногда приходили в гости две её подруги, пили кагор,

много смеялись, рассказывали какие-то истории, а потом пели: «Вот кто-то с горочки спустился», «Помню, я ещё молодухой была», «Мы на лодочке катались» и другие песни. Серёже нравилось слушать, как они поют, но, чтобы не мешать, он уходил в другую комнату.

В красном углу комнаты на полочке стояли три иконы. Перед центральной иконой к потолку на цепочках была подвешена лампадка. В православные праздники бабушка Ньюша наливала туда масло и поджигала фитиль, лампадка горела весь день.

* * *

В один из дней Олег по срочным делам вынужден был уехать в город, дедушка уже несколько дней оставался на рыболовецкой базе, и сеном должны были заниматься бабушка Ньюша с Серёжей.

Стояла ясная солнечная погода, как говорили местные, вёдро — самое подходящее время для закладки сена на хранение. Высушенную траву бабушка и Серёжа на носилках поднесли к сеновалу, который находился над коровником, потом бабушка подавала её вилами наверх, а Серёжа оттаскивал в дальний конец помещения. «Главное — не наткнуться животом на вилы», — думал Серёжа. Но неприятность поджидала его в другом месте. Отгребая очередной пучок, он не заметил, как провалился в коровник, в ясли. Если бы в это время корова жевала в яслях сено, попал бы сверху прямо ей на рога. Но повезло.

Оставшееся сено решено было уложить за огородом в стог. Общими усилиями они с бабушкой воткнули в землю гладкую жердь, называемую стожаром, Серёжа забил обухом топора заранее заготовленные рогатины для подпора стожара. Вокруг него накидали веток, получился небольшой помост — остожье, чтобы между сеном и землёй был промежуток, и начали класть сено, определяя диаметр стога. Бабушка вилами подавала сено, а Серёжа принимал, распределял его вокруг стожара и утапывал. Когда до конца жерди оставалось сантиметров сорок, бабушка сказала, что стог готов, граблями подровняла его со всех сторон и отправилась за рыбацкой сеткой, чтобы обмотать её вокруг стога и прикрепить к стожару. Сетка не даст ветру распушить стог.

Стог получился высоким, метров пять. С тако-

го не прыгнешь, можно и ноги сломать. Бабушка обещала принести жердь, чтобы Серёжа смог по ней спуститься на землю. Стоя на вершине стога, мальчик испытывал такой же восторг, как альпинист, покоривший гору. В ожидании бабушки он принялся вглядываться в знакомые пейзажи, с высоты они выглядели иначе. Впереди блестела река, у мостков покачивались привязанные цепями лодки, над водой кружились чайки, на другой стороне реки хорошо просматривались пристань, магазин, двухэтажное здание администрации речного порта, мостовой кран. Серёжа услышал гудок и увидел подходящий к пирсу современный теплоход «Москвич», развозящий людей по всем островам посёлка. На верхней палубе громко смеялись парни и девушки. А рядом от пристани отчаливал старый колёсный пассажирский пароход. Пассажиров не было видно, только два человека стояли на капитанском мостике, да матрос на палубе собирал швартовый канат в бухту. «Старый уже, отплавал своё, весь ржавый, на металлолом, наверное, повезли», — подумал Серёжа о пароходе. Мимо бабушкиного дома по бечевнику (дорога вдоль берега реки) проходили четверо парней-стиляг в узких брюках-дудочках и ярких цветастых рубахах. Они распевали под гитару:

*Есть такой посёлок Свирица
Возле Ладogi седой,
Меж домов каналы ширятся,
Улиц нету ни одной...*

«Одеваются как американцы, а любят свою малую родину, даже песни сочиняют про неё», — заметил мальчик. Недавно Серёжа спросил старшего брата, как большие ребята натягивают на себя такие узкие штаны?

Олег тогда пошутил:

— С мылом надевают.

— А как же снимают?

— А зачем снимать? Носят, пока не истлеют.

* * *

Вечерело. Солнце клонилось к закату. Сидя на вершине стога, ухватившись за стожар, Серёжа в полудрёме от усталости мысленно возвращался к прежним посещениям посёлка. Вспомнил, как в пятилетнем возрасте удалось угово-

рить дедушку взять его на рыболовецкий промысел. На моторном баркасе вышли из речки Лисья, где на пологом берегу располагалась в деревянных бараках промысловая бригада, в Ладжское озеро. Четверо обветренных, загорелых рыбаков в прорезиненных костюмах вытаскивали сетку, всматриваясь в тёмные осенние воды озера, и сортировали улов по ящикам. Серёжа из баркасной надстройки с любопытством смотрел на дружно работающих людей.

Дедушка, взяв внука на лов, в глубине души рассчитывал, что Серёжа продолжит его дело. Две дочери уехали жить в город, приобрели профессии, далёкие от рыбацкого дела. Старшего внука Олега интересовали только контрольно-измерительные приборы, не выезжал он даже на любительскую рыбную ловлю. Вся надежда передать опыт только на Серёжу. Мальчик не задумывался о своей будущей профессии, но ему, в отличие от старшего брата, была по душе деревенская жизнь, нравилась дедушкина работа. К будущей профессии у него были такие требования: дело должно нравиться и хорошо получаться.

Вернувшись на базу, рыбаки укладывали ящики с рыбой для сдачи государству, растягивали на шесты сети для просушки. И только потом шли в барак на ужин. Только здесь Серёжа понял, чем отличается уха от рыбного супа, который готовили бабушка и мама: в ухе не было картошки — только рыба и лук. И так много было рыбы в миске, что если поставить ложку, то она не упадёт. Ели все за одним длинным, грубо сбитым дощатым столом. Разлили немного водки по алюминиевым кружкам для аппетита. Дедушка произнёс тост, поблагодарив озеро за хороший улов, выпили, и рыбаки дружно засучили ложками, поедая уху.

Позже, уже в восьмилетнем возрасте, попросился Серёжа и на зимний промысел с дедом. Правда, тот долго не соглашался, ссылаясь на непогоду, но всё же любовь к внуку победила. До рыболовецкой базы шли на лыжах семь километров, обратно возвращаться надо было тем же путём, но уже с рыбой для семьи. В бараке было холодно, затопили печь. Уложив пешню для скалывания льда и сачок на волокушу, рыбаки пошли проверять, то есть проверять, сети. Серёже поручили подбрасывать дрова в печь.

Назначенное время возвращения рыбаков

уже давно прошло, но никто не приходил. Стеннело. В такое время суток никто не рыбачит. Видимо, случилась беда. Возможно, рыбаки в такой сильный мороз замерзают, и им нужна помощь! Если бы даже Серёжа знал, где их искать, он один вряд ли смог чем-то помочь. Надо звать народ! Мальчик встал на лыжи и по реке Свирь, по той же лыжне, по которой они шли на рыбо-ловецкую базу, поспешил в посёлок. Несмотря на темноту, заблудиться невозможно, надо просто никуда не сходить с лыжни. Семь километров — это немного, надо бежать, благо лыжня обледенела и не нужно из глубокого снега вытаскивать лыжи. Но подступила странная усталость, сонливость, хотелось сесть отдохнуть. Серёжа понимал, что если присядет, то уже не встанет. Он слышал от взрослых, что именно так люди и замерзают. Чтобы удержать темп, мысленно считал: и раз-два-три, и раз-два-три...

Когда бабушка увидела вернувшегося внука одного, очень переволновалась, быстро оделась, и вдвоём они поспешили через реку Паша в диспетчерскую, где можно было по радиации связаться с рыбаками.

Выяснилось, что один из рыбаков сломал ногу, и они вернулись на базу с большим опозданием. Серёжа второпях не оставил записки, и мужики стали с фонариками искать его вокруг бараков. Но потом увидели, что лыж нет, значит, скорее всего, ушёл домой. В такой мороз мог и не дойти. И колхозники, поначалу решившие заночевать на базе, определились, что двоих надо срочно направить в деревню, чтобы, если случилась беда, успеть спасти Серёжу. И в этот момент диспетчер связался с базой. Рыбаки успокоились, поужинали и приготовились к ночёвке.

Вспомнил Серёжа недавний разговор с мамой и старшим братом. Мама спросила, помнит ли он жизнь в доме на краю посёлка рядом с дедушкой и бабушкой. Серёжа рассказал, как во время большого наводнения он забрался на узкий плот, стоящий рядом с крыльцом дома, и, толкаясь шестом, поплыл по залитому весенней холодной водой болоту. Скользкие брёвна под ногами были плохо скреплены, раскачивались, словно желая опрокинуть мальчика. Когда Серёжа почувствовал, что руки и ноги замёрзли, решил повернуть домой, но не знал, как это сделать, пока не догадался толкать шест с другой стороны плота.

— Мам, большое наводнение у нас было

только в пятьдесят седьмом году, тогда произошёл затор льда в устье Свири во время ледохода, — удивлённо сказал Олег.

— Так что ж получается, тебе ещё четырёх лет не было? — с грустью и удивлением произнесла мама. Она хорошо помнила этот недостроенный плотик, ей стало страшно, что из-за недосмотра могла потерять сына.

Каждый год, как только начинался ледоход и яркое весеннее солнце отражалось в кристаллах тающего льда, похожего на друзья горного хрусталя, всё мужское население посёлка выходило на берега рек и каналов готовить свои лодки к летнему сезону. Разводили костры, на которых в котлах разогревали битум. Лодки конопатили, шпатлевали, а затем смолили. Пацаны помогали взрослым. Это событие напоминало праздник труда. Обычно лёд на Ладожском озере ещё стоял, а ледоход на реках Оять, Паша и Свирь уже начинался, в результате льду некуда было двигаться, и он забивал устье Свири до самого дна. Военные закладывали под лёд тротилловые шашки и пытались взрывом разрушить образовавшийся затор. Но в тот год что-то пошло не так, и вода, не найдя выхода в озеро, разлилась по островам посёлка. Не помогла даже стрельба из миномёта по ледяным торосам.

Совсем свежа была в Серёжиной памяти история, когда он приехал на зимние каникулы в Свирицу. Погода стояла солнечная, безветренная, с небольшим морозцем. Мальчик, отпросившись у бабушки погулять, взял финские сани и пошёл покататься по бечевнику. Но затем ему захотелось спуститься с берега на ровный лёд реки Паша. Проезжая вдоль свай, к которым летом привязывали плоты из брёвен или, как их в посёлке называли, «гонки», Серёжа не заметил загорошенную снегом майну — большую прорубь. В такую майну рыбаки-любители забрасывают сетку в виде кольца диаметром с метр, в неё укладывают груз и прикормку для рыб. Обычно проруби ограждают большими ветками, но эта оказалась не прикрыта. Сетки не было. Неожиданно лёд под ногой провалился, финские сани скользнули вперёд, и мальчик по грудь оказался в ледяной воде, ухватившись за край проруби. Серёжа сделал попытку выбраться, но сглаженные от замёрзшей воды края проруби не позволили удержаться на ледяной поверхности, и он снова плюхнулся в воду. Вторая попытка вновь оказа-

лась неудачной. И только с третьего раза, собрав последние силы, каким-то чудом удалось, несмотря на отяжелевшую от промокшей воды одежду, выскочить на лёд и удержаться. Взяв финские сани, Серёжа побрёл домой. Как нарочно, поднялся ветер. Мокрая одежда на ветру превращалась в ледяную корку, сковывая движения, пронизывающий холод пробирал до костей.

* * *

...От ночной прохлады Серёжа проснулся. Он и не заметил, как уснул на стогу. Белёсый туман низко стелился по земле. На небе разбросанными брызгами ярко горели звёзды. Лёжа на вершине стога в позе эмбриона, ухватившись за стожар, Серёжа посмотрел в небо и увидел, что конец шеста устремлён в самое главное славянское созвездие Стожары, превосходящее по своей значимости даже Большую Медведицу. О звёздах и созвездиях ему рассказывал дедушка. «Интересно получается, что стожар стога указывает на созвездие Стожары, скопление семи ярких звёзд! Может, в этом и есть очевидная взаимосвязь Микрокосмоса и Макрокосмоса, связь между мной и этим звёздным небом, Вселенной, между мной и Создателем всего этого! — восхищённо рассуждал мальчик. — Надо обязательно спросить дедушку, почему его интересует астрономия? Занимается рыбной ловлей, а увлекается звёздным небом?» Но сам же и нашёл от-

вет. Он вспомнил, что недавно прочитал в книге, как архангельские поморы в старину ходили на китобойный промысел и рыбную ловлю до берегов Шпицбергена и в Карское море. А помогало им вернуться к родным берегам знание астрономии. Ладожское озеро — как море, здесь тоже надо уметь читать звёздное небо, чтобы ориентироваться в безбрежных водных просторах. «Да, ещё не забыть спросить дедушку о его отношении к Богу».

Было зябко, и Серёжа закричал в надежде, что его услышат:

— Ба-бу-шка-а! Ба-бу-шка-а!

Но кругом — тишина. Все спят. В соседних домах его крик тоже никто не услышал.

Созвездие Стожары стало опускаться к горизонту. «Значит, скоро будет рассвет», — подумал Серёжа. И точно, на горизонте появилась и постепенно стала увеличиваться светлая полоска.

Солнце медленно поднималось над рекой, рассеивая туман, превращая его в капельки росы. Стало немного теплее. Тело затекло от лежания в одной позе. Серёжа встал во весь рост и тут увидел, как баба Ньюша повела корову и телёнка в загон.

— Бабушка!

— Ой, Серёжа! Ты что там делаешь? Ой, извини! Я стала искать сетку, а потом решила подоить корову. Ну и забыла про сетку, про тебя... Извини, Серёженька! Сейчас принесу сетку и жердь.

□

Владимир Александрович ЗАМЫШЛЯЕВ
(псевд. — Владимир Кречетов)

родился в 1953 году.

Инженер-технолог, психолог.

Прозаик, публицист.

Печатался в литературно-художественных
журналах и альманахах России, Германии, Великобритании,
США, Греции, Украины, Казахстана, Болгарии.

Дипломант ряда международных литературных конкурсов.

Член Союза деятелей культуры и искусства,
а также Некоммерческого партнёрства поддержки
литераторов «Родные просторы».

Награждён медалью «Антон Чехов 160 лет»
и Знаком отличия Звезда «Наследие» III степени.

